

Европа! Ты помнишь, когда
В зазубринах берега морского
Твой гений был юн и раскован
И строил твои города?

Когда голодавшая голь
Ночные дворцы штурмовала,
Ты помнишь девятого вала
Горячую честную соль?

Казалось, что вся ты—собор,
Где лепятся хари на вышке,
Где стонет орган, не отвыкший
Беседовать с бурей с тех пор.

Гул формул, таимых в уме,
Из черепа выросший, вторил
Вниманью больших аудиторий,
Бессоннице лабораторий
И звёздной полуночной тьме.

Всё было! И всё это—вихрь...
Ты думала: дело не к спеху.
Ты думала: только для смеха
Тоска мюзик-холлов твоих.

Ты думала: только в кино
Актёр твои замыслы выдал.
Но в старческом гриме для вида
Ты ждёшь, чтобы стало темно.

И снова голодная голь
Штурмует ночные чертоги,
И снова у бедных в итоге
Одна только честная боль.

И снова твой смертный трофей—
Сожжённые башни и сёла,
Да вихорь вздувает весёлый
Подолы покрашенных фей.

И снова—о, горе!—Орфей
Простился с тобой, Эвридикой.
И воют над пустошью дикой
Полночные джазы в кафе.

1922